

Revolutionary Committee conducted harsh ideological surveillance over political and cultural processes in the province.

References:

1. Потарикіна Л.Л. Ревкоми України в 1918–1920 рр. / Л.Л. Потарикіна. – К. : Вид-во Академії наук УРСР, 1957. – 156 с.; Литвинова Г.И. Революционные комитеты в годы Гражданской войны / Г.И. Литвинова. – М. : Юрид. лит.-ра, 1974. – 152 с.; Бугай Н.Ф. Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы 1918–1921 гг. / Н.Ф. Бугай. – М. : Наука, 1990. – 320 с.
2. Колісник М.К. Відновлення і зміцнення Радянської влади на Україні (листопад 1919 р. – травень 1920 р.) / М.К. Колісник. – Харків : Вид-во Харків. ун-ту, 1958. – 203 с.
3. State Archives of Poltava region (hereinafter – SAPR). – Fund. 2360. – Inventory. 1. – File 12.
4. От Губревкома Полтавщины // Власть Советов. – Полтава, 1919. – 21 декабря. – С. 1.
5. SAPR. – Fund. 3872. – Inventory. 2. – File 4.
6. От губпродкома // Радянська влада. – Полтава, 1920. – 28 березня. – С. 2.
7. Гимпельсон Е.Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология / Е.Г. Гимпельсон. – М. : Мысль, 1973. – 296 с.
8. Офіційний відділ // Радянська влада. – Полтава, 1920. – 29 лют. – С. 3.
9. SAPR. – Fund. 1865. – Inventory. 1. – File 107.
10. Наша провинция // Власть Советов. – Полтава, 1919. – 24 декаб. – С. 4.
11. SAPR. – Fund. 1865. – Inventory. 1. – File 52.
12. Официальный отдел // Власть Советов. – Полтава, 1919. – 23 декаб. – С. 4.
13. Приказ № 1 губернского отдела здравоохранения // Власть Советов. – Полтава, 1919. – 18 декаб. – С. 1.
14. SAPR. – Fund. 3872. – Inventory. 2. – File 2.
15. Ibid. – Fund. 1865. – Inventory. 1. – File 107.
16. Ibid. – File 3.
17. Ibid. – Fund. 1865. – Inventory. 1. – File 14.
18. Офіційний відділ // Радянська влада. – Полтава, 1920. – 10 берез. – С. 4.
19. Там само. – 13 берез. – С. 4.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПАТЕРНАЛИЗМ» И «СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО»

Екатерина ТАРАНЕНКО,

аспирант кафедры публичного права

Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича

Summary

The article describes the relation between the concepts “paternalism” and the “social state”. Much attention is focused on the issue of the legal literature about development and crisis of the welfare state. The article reveals that the paternalistic state arises when disturbed balance between the mutual obligations of the state and its citizens. The article proved that an acceptable form of the modern state is a social state, which is based on the recognition of the inalienable rights of citizens to dignity and the free development of personality, self-responsibility of citizens for their material well-being.

Key words: paternalism, social state, welfare state, human rights, balance of reciprocal rights and responsibilities, social function.

Аннотация

В статье проводится теоретическое исследование соотношения понятий «патернализм» и «социальное государство». Осуществляется анализ юридической литературы по исследованию вопроса развития и кризиса государства всеобщего благосостояния. Доказано, что патерналистское государство-благотель возникает тогда, когда нарушается баланс между взаимными обязательствами государства и его граждан. Обосновано, что приемлемой формой существования современного государства может быть только социальное государство, которое основано на признании неотъемлемых фундаментальных прав граждан на человеческое достоинство и свободное развитие личности, самоопределение, личную и солидарную ответственность граждан за свое материальное благополучие.

Ключевые слова: патернализм, социальное государство, государство всеобщего благосостояния, права человека, баланс взаимных прав и обязательств, социальная функция.

Постановка проблемы. Патернализм с позиции этатистской доктрины налогового права воспринимается как благо со стороны государства по отношению к его гражданам. Социальная действительность патернализма направлена на создание образа государства, которое несет ответственность за благосостояние своих граждан, принятие государственного патернализма обществом и признание таких отношений оптимальными, даже единственно возможными. Подобное понимание патернализма, по нашему мнению, является достаточно упрощенным, поверхностным и не позволяет в полной мере осознать сущность феномена патернализма, поскольку оно остается в стороне фундаментальных свойств данного явления, гиперболизируя лишь одну из его сторон – признак заботы государства о своих гражданах.

Взгляд на патернализм с точки зрения антропосоциокультурной традиции правопонимания показывает, что

образ патернализма как блага оказывается лишь «вершиной айсберга», маскированной, за которой скрывается истинное значение патерналистских функций государства – создание у социума впечатления решения собственных проблем, иллюзии самозначения. Более того, этатистский аргумент блага, который выдвигается для характеристики патернализма, приводит к спутыванию понятий «социальное государство» и «патернализм», возведению последнего к функции социального государства.

Актуальность темы исследования проявляется в необходимости разграничения понятий «патернализм» и «социальное государство» с целью адекватного понимания природы каждого из этих явлений.

Состояние исследования. Отдельные аспекты исследуемой темы нашли свое отражение в научных трудах таких ученых: П.В. Гоголев, Н.М. Хома, Д.Г. Севрюков, Я.И. Пасько, В.И. Сушак, М.А. Фоломеев, С.С. Цурканов, Н.В. Шукшова и др.

Целью статьи является установление связи понятий «патернализм» и «социальное государство». Новизна работы заключается в том, что в данной работе сделана попытка обоснования невозможности отождествления патернализма из социальной функцией государства.

Изложение основного материала исследования. Концепция патернализма как функции социального государства в современной науке разрабатывается значительным количеством ученых. Так, С.Г. Кара-Мурза пишет, что «государственный патернализм – это основа социального государства, поскольку без него не может существовать ни одно общество» [1]. А.В. Макарова отмечает, что проявления патернализма в той или иной степени присущи любому государству, а без определенной государственной опеки не может существовать любое цивилизованное общество. Естественными функциями современного государства являются перераспределение доходов, социальная поддержка уязвимых слоев, обеспечение безопасности граждан и др. Таким образом, патернализм является основой социального государства [2, с. 24]. Н.М. Хома, классифицируя социальное государство по критерию соотношения активности государства в решении социальных проблем и инициативности граждан в решении проблем благосостояния, выделяет патерналистский тип социального государства. Он основывается на идее государственной опеки над социальной сферой, концентрации в руках государства ресурсов, необходимых для жизнеобеспечения и социальной защиты населения, которые, в свою очередь, обеспечивают государству способность быть субъектом принуждения [3, с. 383].

Такая тенденция, по нашему мнению, несет в себе определенные риски, поскольку большинство государств мира (например, ФРН, Франция, Италия, США) в своих конституциях позиционируют себя как социальные государства. Если следовать мысли о том, что патернализм является свойством любого социального государства, то приходим к выводу, что любое патерналистское государство является социальным, и наоборот, любое социальное государство является патерналистским. Мы не согласны с такой

позицией и считаем ее достаточно дискуссионной. Аргументацию позиции о разграничении понятий «социальное государство» и «патернализм» начнем с проблемы установления терминологического единства понятий «социальное государство» и «государство всеобщего благосостояния» (welfare state) и их соотношения с понятием «патернализм».

Д.Г. Севрюков утверждает, что применение того или иного термина – это «лишь вопрос общепринятой практики, сложившейся в научных и общественных кругах конкретных стран (нем. sozialstaat, англ. welfare state, итал. stato sociale, франц. l'état providence), как правило, оба термина относят к единому синонимическому ряду. Однако ключевые вопросы, касающиеся социального государства, не сводятся к выбору правильного термина. Главным является не название понятия, а то, что под ним скрывается, его сущность, как она понимается в теории и проявляет себя в исторической практике» [4, с. 38].

Стоит заметить, что отождествление понятий «социальное государство» и «государство всеобщего благоденствия» характерно для научной традиции стран постсоветского пространства. Кроме того, нередким является и восприятие патернализма как неотъемлемой функции социального государства [5, с. 193; 1; 3, с. 383; 7, с. 137]. В западноевропейской научной традиции понятия «социальное государство» и «государство всеобщего благосостояния» разграничиваются, а патернализм рассматривается как ядро доктрины государства всеобщего благоденствия (welfare state) [8, с. 17].

Швейцарский исследователь доктрины патернализма Ф. Байзер замечает, что патернализм как теоретико-методологическая парадигма стал основой для государств Западной Европы в утверждении и официальном оформлении ими консервативной традиции 90-х годов XVIII века. Квинтэссенция данной традиции сводилась к тому, что «государство обязано содействовать благополучию, религиозному и нравственному развитию своих членов», требуя от них в обмен полную приверженность и преданность государству [9, с. 51].

В начале XX века, получив ошутимый толчок из Германии, заботли-

вая опека правительств над своими гражданами распространилась по всей Европе. Ограниченная социальная деятельность государства безвозвратно превращалась в неотъемлемую и обязательную социальную функцию. Ответственность государства за благополучие своих граждан наполнилась новым, более содержательным смыслом, а результаты выполнения социальных программ увеличивали или уменьшали легитимность правящих режимов. После окончания Второй мировой войны перераспределительное государство всеобщего благосостояния прочно встало на ноги [10, с. 127] и, по словам К. Оффе, «стало «формулой мира», которая способствовала утверждению общественного согласия в послевоенной Европе» [11, с. 147]. Дальнейшая эволюция welfare state шла в направлении расширения спектра услуг для умножения собственной власти. Государство взяло на себя принципиальную (как морально-политическую, так и юридическую) ответственность за обеспечение основных социальных потребностей людей. Все без исключения нуждающиеся имели право на получение помощи от публичных властей. Государство заботилось о своих гражданах «от колыбели до могилы». В свою очередь, государственные гарантии социальной защиты усиливали легитимность западных демократий [12, с. 3].

Но уже в конце XX века welfare state столкнулась с кризисом, вызванным рядом причин: экономическая стагнация, рост безработицы, старение и увеличение продолжительности жизни непомерно увеличивали нагрузку на бюджет [13, с. 13]. Критике подвергаются как практика государства всеобщего благоденствия, так и ее теоретические и идеологические основы. Социальные программы государства всеобщего благоденствия отнимают средства, необходимые для дальнейшего промышленного развития общества, вызывая тем самым спад в экономике [14]. Welfare state теряет политическую поддержку в результате совокупности структурных изменений в экономической, политической, социальной, финансовой, культурной и других сферах, а также в результате утраты доверия граждан к социальной политике как общественному благу, что выражается

в их отказе поддерживать программы, выдвигающие идею всеобщего благополучия [15, с. 63].

Острая критика деятельности welfare state связана с масштабным и глубинным духовным кризисом, порожденным патернализмом [10, с. 129]. Выдвигаются обвинения в разрушении веры людей в собственные силы, в формировании у них психологии иждивенчества, в ограничении частной инициативы [14].

Патернализм государства всеобщего благоденствия проявился в том, что стремление к «социальной справедливости» заставило правительства относиться к гражданину и его собственности как к объекту управления в целях обеспечения заданных результатов для отдельных групп. Поверив в то, что может быть достигнуто что-то вроде «социальной справедливости», люди вложили в руки правительства власть, которую оно теперь не может не использовать для удовлетворения требований все растущего числа узкогрупповых интересов. Как и в случае большинства попыток достичь невозможного, это стремление порождает крайне нежелательные последствия и приводит к разрушению жизненно важной среды, вне которой традиционные моральные ценности не могут существовать, а именно – к уничтожению личной свободы [16, с. 164]. Вмешиваясь в дела гражданского общества, чтобы привлекать частные вклады капитала, сокращать безработицу и расширять возможности социального обеспечения, государство стало претендовать на всеведение социальных нужд и потребностей граждан. Квинтэссенцию отношений между государством и социумом в таких условиях выразил Дж. Кин: «Положись на нынешнее правительство и чиновников, занимающихся социальным обеспечением. Они знают, что лучше. Они во всем позаботятся о тебе» [17, с. 33]. Но такая власть государства в лице его органов над обществом и его свободой выбора для себя лучшего варианта достижения благополучия развращает, поэтому возможность государства указывать людям, как им жить, или отнимать деньги у тех, кто их зарабатывает, и отдавать другим является постоянным соблазном [10, с. 129].

Л. фон Мизес отмечал, что «родительская» забота «государства благосо-

стояния» сведет всех к положению крепостных рабочих, которые обязаны, не ставя вопросов, подчиняться приказам органов планирования, а его налоговая политика все больше вырождается в политику конфискаций. Ее цель – изъять полностью все виды богатства и дохода от собственности» [18, с. 315]. Налоги и государственное регулирование снижают стимулы людей производить богатство, а государственные социальные пособия плохо отражаются на стимулах работать, сохранять и помогать семье и друзьям в случае болезни, инвалидности или выходе на пенсию [19, с. 15].

По мнению Д.Г. Севрюкова, государство обязано действовать в четко установленных пределах – защищать жизнь, свободу и частную собственность от «агрессивного насилия». За естественные для него границы оно не может выйти, не превратившись в агрессора. Такое идеальное измерение вполне способно на себя примерить именно «социальное государство», поскольку кризис welfare state естественно требует его трансформации в соответствии с экономическими, политическими и социальными условиями современности [10, с. 38]. А.А. Головкин замечает: «Демократизм и гуманная социальная атмосфера в обществе требуют не только искренних чувств и горячего сердца сограждан, но и их знания, умения активно решать глобальные жизненные проблемы в интересах каждого и всех, государства и общества. Нельзя строить отношения социального государства со своими гражданами на принципе их постоянного иждивенчества. Ни одно государство не может выдержать такие постоянные материальные нагрузки» [20, с. 184]. Поэтому А.М. Силенко отмечает, что социальное государство должно стать новым качеством «государства всеобщего благоденствия», что позволяет осуществлять социальные функции в современных условиях наиболее рационально и эффективно [21]. Социальное государство в отличие от государства всеобщего благосостояния стремится не к максимально возможному перераспределению доходов и имущества, а проводит такую социальную политику, ликвидирует правовые, административные и экономические барьеры, которые препятствуют реализации спо-

собностей личности, а также формирует институты, способствующие этому. И только в виде дополнительной защиты осуществляется минимально необходимое перераспределение доходов и собственности» [22, с. 17].

Заметим, что Конституционный суд ФРГ в своем заключении прямо указал на различие между государством всеобщего благоденствия и социальным государством: «Формирование социального государства не означает превращение Германии в государство «всеобщего благоденствия» и не предусматривает полностью управляемой и идеально упорядоченной государством экономики. Социальное правовое государство, как определено в Основном законе ФРГ, только стремится к примерно равномерному и в этом смысле справедливому распределению почета между ним и его гражданами, поэтому оно призвано обеспечить необходимый, но вполне приличный прожиточный минимум и нормальные условия существования людей» [23].

Социальное государство – это государство, которое не знает патернализма, это абсолютно новое качество государства, основанного на признании неотъемлемых фундаментальных прав граждан на человеческое достоинство и свободное развитие личности, самоопределение, личную и солидарную ответственность граждан за свое материальное благополучие [24, с. 62]. Для социального государства приоритетами являются соблюдение прав и свобод человека, обеспечение стандартов достойной жизни, осуществление активной и эффективной государственной социальной политики, результатом которой является улучшение благосостояния, создание условий безопасной жизнедеятельности, свободное и всестороннее развитие личности, введение ответственности государственных и региональных органов власти за негативные показатели уровня и качества жизни населения, обеспечение баланса интересов личности, общества и государства, их взаимная ответственность [25].

Важно заметить, что принятие социального государством на себя обязательств перед гражданином Украины – это не акт альтруизма и человеколюбия, а жизненная необходимость, шаг, который диктуется волей государства к самосохранению. Причина, по кото-

рой социальное государство не только обязано выполнять свои задачи, а и заинтересовано в их выполнении, заключается в том, что развитие отдельной личности выступает условием не только развития общества, но и сохранения самого государства. Там, где удовлетворены основные потребности человека, достигнутые высокие социальные гарантии, нет желания и стремления что-то радикально менять. Так достигается необходимая социально-политическая стабильность и гражданский мир. Достижение стабильности составляет главную цель государства, поскольку любая нестабильность опасна для государства. Именно этот факт определяет интерес государства в том, чтобы реально способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан [3, с. 47].

Л. Эрхард отмечал, что экономическая жизнь и гармоничная социальная жизнь невозможны без проявления частной инициативы и постоянной заботы каждого о собственной судьбе. Опекун «от колыбели до могилы» разрушит стремление к личным достижениям, непременно негативным образом повлияет на благосостояние каждого и страны в целом. В книге «Благосостояние для всех» он писал: «Мой идеал основывается на том, чтобы человек мог сказать: «У меня достаточно сил, чтобы постоять за себя, я хочу сам нести риск в жизни, хочу быть ответственным за свою собственную судьбу. Ты, государство, позаботься о том, чтобы я был способен так поступать». Не так должно звучать: «Ты, государство, приди мне на помощь, защити меня и помогай мне», но наоборот: «Ты, государство, не беспокойся о моих делах, но предоставь мне столько свободы и оставь мне от результата моей работы столько, чтобы я мог сам и по своему усмотрению обеспечить свое существование, мою судьбу и судьбу моей семьи» [26, с. 158–166].

Выводы. Таким образом, приемлемой формой существования современного государства может быть только социальное государство. Но такое государство только тогда остается относительно безопасным для людей и не становится тоталитарным, когда существует не как государство социально-патерналистское, а как государство, устроенное относительно разум-

но [27]. Поэтому, по нашему мнению, восприятие патернализма как функции социального государства является ложным. Патерналистское государство-благодетель возникает тогда, когда нарушается баланс между взаимными обязательствами государства и налогоплательщиков. Такое государство, выполняя свою социальную функцию, не чувствует своего долга и ответственности перед обществом, монополизует право на принятие решений, касающихся благополучия его граждан, такое государство покоряет, разрушает свободу полноценной реализации прав человека и делает его пассивным перед государственными инициативами, которые всегда опираются на стремление будто достижения общего блага. Но такие отношения между государством и социумом, несмотря на стремление правителя имплементировать в общественную жизнь идею «всеобщего счастья», являются несовместимыми с человеческим достоинством, правами человека и гражданскими свободами.

Список использованной литературы:

1. Кара-Мурза С.Г. Государственный патернализм – цивилизационное измерение / С.Г. Кара-Мурза // Научный эксперт. – 2009. – № 12. – [Электронный режим]. – Режим доступа : http://www.marusrand.ru/text/Jornal12_2009.pdf.
2. Макарова О.В. Соціальна політика в Україні : [монографія] / О.В. Макарова ; Ін-т демографії та соціальних досліджень ім. М.В. Птухи НАН України. – К., 2015. – 244 с.
3. Хома Н.М. Моделі соціальної держави: світовий та український досвід : [монографія] / Н.М. Хома. – К. : Юрид. думка, 2012. – 592 с.
4. Севрюков Д.Г. Еволюція соціальної держави в Західній Європі: історико-теоретичні аспекти : [монографія] / Д.Г. Севрюков. – К. : Талком, 2014. – 422 с.
5. Скакун О.Ф. Теория государства и права / О.Ф. Скакун. – Х. : Эспада, 2007. – 839 с.
6. Хома Н.М. Модернізація парадигми соціальної держави / Н.М. Хома // Вісник НТУУ «КПІ». Політологія. Соціологія. Право. – 2013. – Вип. 3(19). – С. 43–47.

7. Гоголев П.В. Конституционно-правовые основы патернализма и патернализма в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России : дис. ... докт. юрид. наук : спец. 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» / П.В. Гоголев ; МГУ. – 2014. – 434 с.;

8. Dorwart R.A. The Prussian Welfare State before 1760 / R.A. Dorwart. – Cambridge : Harvard University Press, 1971. – P. 17.

9. Beiser F.C. The fate of Reason: German Philosophy from Kant to Fichte / F.C. Beiser. – Cambridge : Harvard University Press, 1987. – P. 51.

10. Севрюков Д.Г. Соціальна держава в Західній Європі: традиційна критика та сучасна трансформація / Д.Г. Севрюков // Європейські перспективи. – 2011. – № 4. – Ч. 2. – С. 127–130.

11. Offe C. Contradictions of the welfare state / C. Offe. – London : Hutchinson, 1984. – 310 p.

12. Pierson P. Dismantling the welfare state: Reagan, Thatcher, and the politics of retrenchment / P. Pierson. – Cambridge University Press, 1995. – 224 p.

13. Block F. Social Policy and Accumulation: A Critique of the New Consensus / Stagnation and renewal in social policy: the rise and fall of policy regimes / F. Block ; ed. by M. Rein, G. Esping-Andersen, L. Reinwater. – M.E. Sharpe, 1987. – P. 13–34.

14. Чекменёва Т.Г. Социальное государство: теория и практика / Т.Г.Чекменёва [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://21biz.ru/socialnoe-gosudarstvo-teoriya-i-praktika/>.

15. Чулицкая Т. Демонтаж государства всеобщего благосостояния / Т. Чулицкая // Палітычная сфера. – 2005. – № 4. – С. 61–67.

16. Фридрих Ф. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф. Фридрих. – М. : Ирисэн, 2006. – 648 с.

17. Кин Дж. Демократия и гражданское общество / Дж. Кин. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 400 с.

18. Мизес Л. фон. Социализм. Экономический и социологический анализ / Л. фон Мизес. – М. : Catallaxy, 1994. – 416 с.